

В.И.Подлеская, А.А.Кибрик

САМОИСПРАВЛЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО И ДРУГИЕ ТИПЫ РЕЧЕВЫХ СБОЕВ КАК ОБЪЕКТ АННОТИРОВАНИЯ В КОРПУСАХ УСТНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются основные типы речевых сбоев в спонтанном устном дискурсе. Обосновывается необходимость последовательно, компактно и иконично отражать информацию о речевых сбоях в транскриптах при разработке корпусов устной речи и предлагается ориентированная на эту задачу система нотации.

0. Введение

Характерной особенностью спонтанной устной речи являются нарушения плавного развертывания речевого потока – колебания, повторы, самоперебивы, исправления и проч. Такого рода явления – их обычно объединяют под рубрикой «речевые сбои» – в традиционной лингвистике, ориентированной прежде всего на письменный язык, редко являются самостоятельным объектом изучения. Чаще всего речевые сбои рассматриваются как досадная помеха, «замутнение» исходного языкового материала, доступного лингвистическому наблюдению. Показательны в этом смысле рекомендации классика лингвистической типологии Дж.Гринберга: «Лингвист, работающий с конкретным языком, может, разумеется, сделать лишь ограниченное количество наблюдений. Этот конечный набор материала обычно называют *корпусом* (corpus), и он рассматривается как образец, выведенный из бесконечного множества предложений... В некоторых случаях требуется радикальная редакторская работа над корпусом. Запинки, повторения, апосиопезы, изменение конструкции в середине предложения, придание придаточному предложению статуса главного и тем самым образование предложений, кажущихся изолированными – все эти явления не принимаются во внимание...» [1, с.26, 52].

Однако речевые сбои и способы их преодоления оказываются неоценимым источником информации при обращении к языку с когнитивных, социологических и психологических позиций, а также при компьютерном моделировании порождения и понимания речи (см. обзор работ 60-х-70-х годов и подробную библиографию в работе [2], краткий обзор американских работ 70-х-90-х годов и соответствующую библиографию в [3], материалы постоянного Международного семинара по речевым сбоям в спонтанной речи в [4,5] и др.).

Так, социолингвистические исследования речевых сбоев, выполненные в рамках анализа бытового диалога, показали, что основные типы речевых сбоев системно организованы и не случайно распределены в структуре диалога (см., например, основополагающую работу [6] и другие работы этих авторов, а также [7] и др.).

Психолингвистические исследования показывают, что речевые сбои могут рассматриваться как ключ к пониманию процессов порождения и понимания дискурса. Данные речевых сбоев используются как аргумент в холистических моделях порождения и анализа устной речи, см. например, классические работы В.Левелта (соответствующие разделы в [8], а также [9,10] и др.), работы А.Постма ([11] и др.), Г.Делла ([12] и др.). Экспериментальные исследования убедительно демонстрируют влияние речевых сбоев на процессы порождения и понимания (см., например, [13, 14] и др.) В этом же ряду стоят современные исследования с использованием метода записи движения глаз, см., например, [15], где экспериментально доказывается, что наличие

речевого сбоя облегчает разрешение референциального конфликта в пользу нового референта.

В исследованиях, выполненных в рамках компьютерной лингвистики, анализ речевых сбоях включается как компонент моделей синтаксического анализа предложения в процессе понимания (syntactic parsing), см, например, [16], а также в системы автоматического распознавания звучащей речи, см. например, [17].

В последнее десятилетие получили распространение корпусные исследования речевых сбоях: здесь следует выделить, прежде всего, работу Э.Шриберг [18] – наиболее полное из существующих систематическое корпусное описание основных типов речевых сбоях в английском языке, а также работы [19], [20] и ряд других.

Вместе с тем, в большинстве масштабных корпусных проектов, в том числе, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка, в стенограммах образцов устной речи не производится последовательная разметка речевых сбоях, см. подробнее [21]. Такое решение кажется вполне оправданным для корпусов больших объемов, ориентированных на извлечение, прежде всего, грамматической и лексической информации. Действительно, ручное выявление речевых сбоях в аудиозаписи и их последовательное отражение в транскрипте – задача, требующая немалых затрат времени и квалифицированной экспертной работы. Однако в устных корпусах ограниченного объема решение этой задачи является посильным делом для сравнительно небольшого коллектива разработчиков. Последовательное отражение в транскрипте речевых сбоях –наряду с решением таких задач, как последовательная и единообразная сегментация устного дискурса на основе комплекса просодических и семантико-синтаксических критериев, систематическое нотирувание основных типов иллокуций, типов незавершенных сегментов в составе иллокуции, разметка ядерных компонентов просодии и ряда других – многократно повышает информативность корпуса и расширяет круг решаемых с его помощью задач.

В настоящей работе рассматриваются основные типы речевых сбоях, описываются принципы классификации одного из наиболее распространенных типов речевых сбоях –самоисправлений говорящего, и предлагаются основанные на этой классификации правила разметки самоисправлений и других типов речевых сбоях при транскрибировании образцов устного дискурса для нужд корпусных исследований. Описываемая нотационная система является разделом стандартизированной транскрипции для корпусных исследований устного русского дискурса, коллективная работа над которой ведется на материале корпуса устных рассказов детей школьного возраста о своих сновидениях, см., например, [22], [23]¹.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 1 дается общая характеристика речевых сбоях и выделяются два основных режима самоисправления – коррекция и редактирование. Раздел 2 посвящен классификации коррекций. В разделе 3 предлагается практическая инструкция – как зафиксировать в транскрипте основные типы речевых сбоях. Раздел 4 посвящен самоисправлениям в режиме редактирования. В заключении приводятся количественные данные о речевых сбоях в корпусе.

1. Хезитация и самоисправления. Два основных класса самоисправлений – коррекция и редактирование.

Речевые сбоя могут быть вызваны нарушениями внешних условий коммуникации (например, вмешательством собеседника) или внутренними проблемами планирования

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80470а. Помимо авторов, в работе над проектом участвуют З.В.Ефимова, Н.А.Коротаев, А.О.Литвиненко, В.Хуршудян, В.Л.Цуканова и др.

и развертывания дискурса. Внутренние проблемы могут быть сведены к следующим двум основным случаям.

Первый случай: артикуляция текущей «порции» завершена прежде, чем подготовлено дальнейшее развертывание дискурса, и требуется заполнить время, пока завершится подготовка следующей «порции». В этом случае говорящему может потребоваться перерыв, который он может использовать для планирования или перепланирования следующей порции. Такого рода перерыв обычно называют паузой колебания, или хезитации. Перерывы могут воплощаться как абсолютные паузы, как заполненные паузы («долексические» заполнения, «мэканье»), а также как удлинение (нефонологическая долгота) отдельных звуков в словах. Сигнализировать о хезитации – одна из основных, но не единственная функция пауз: пауза может сигнализировать о физиологических трудностях речепорождения, являться языковым жестом («театральная пауза») и проч. Важнейшей функцией пауз является также сегментация потока речи – маркировка границ между последовательно артикулируемыми отрезками дискурса. Паузы на границах отрезков, образующих интонационное и семантическое единство, могут быть связаны как с членением потока речи, так и с хезитацией, а паузы внутри таких отрезков имеют, как правило, хезитационную природу. Длительность и тип всех пауз, а также нефонологическая долгота звуков отмечаются в разрабатываемом нами формате транскрипции иконическим способом, например, ... (0.8), ээ(0.4), стала-а (подробнее см. ниже в разделе 3).

Второй случай: в некоторой точке дискурса говорящий может решить, что определенный фрагмент порожденного им текста не соответствует изначальной программе (например, выбрана неверная или неточная номинация или фрагмент артикулирован преждевременно и не может в нынешнем виде или в нынешнем окружении быть адекватно встроено в последующий дискурс). В этом случае говорящий может прибегнуть к самоисправлению – отказаться от забракованного им фрагмента, заменить его, полностью или частично повторить забракованный фрагмент. Самоисправления часто сочетаются с хезитацией – перерыв может использоваться говорящим и для обдумывания возможного способа исправления предшествующей порции.

Мы различаем два основных режима самоисправлений – (он-лайн) коррекцию, или собственно коррекцию, и ретроспективную коррекцию, или редактирование.

В режиме (он-лайн) коррекции говорящий реагирует на обнаруженную проблему немедленно. Согласно «главному правилу прерывания», сформулированному в [8, с. 478-482], говорящий стремится «остановить поток речи сразу после обнаружения проблемы, пусть даже посередине слова» (ср. также вывод Н.Г.Гармаш в [24] о том, что данное правило подтверждается на русском материале). При коррекциях речевой отрезок до точки прерывания обладает незавершенностью по совокупности лексических, грамматических и просодических критериев. Очень часто в точке прерывания имеется обрыв слова (почти в 50% случаев по нашему корпусу). Но даже там, где обрыва слова нет, имеются симптомы синтаксической и дискурсивной неполноты текущего отрезка. Чаще всего при коррекциях в точке прерывания имеется просодический «шов» (который воплощается, например, в сломе интонационного контура), возможны также заполненная или незаполненная пауза. После прерывания говорящий заменяет забракованный фрагмент на другой или повторяет первоначально забракованный фрагмент и продолжает развертывать речь таким образом, чтобы забракованный фрагмент мог быть безболезненно «стерт» и материал до забракованного фрагмента и материал после него, сомкнувшись, образовали бы правильную, т.е. удовлетворяющую говорящего последовательность. Так, в примере (1)

(1) N42²

14 ... (0.1) /Ира куда-то уш= || \исчезла.

имеется забракованный фрагмент уш=, который после точки прерывания (отмеченной знаком ||) заменен на откорректированный фрагмент исчезла. Удаление забракованного фрагмента дает текст, грамматически приемлемый и ситуационно уместный с точки зрения говорящего (Ира куда-то исчезла). Аналогичным образом, в примере (2)

(2) N53

85	... (0.6) где на= было \написано:
----	--------------------------------------

имеется забракованный фрагмент на=, который после прерывания повторен в составе откорректированного коррелята. Удаление забракованного фрагмента дает текст, грамматически приемлемый и ситуационно уместный с точки зрения говорящего (где было написано).

Ретроспективная коррекция, или редактирование, это менее «авральный» режим преодоления обнаруженной проблемы. Он состоит в том, чтобы отредактировать уже готовый и транслированный фрагмент дискурса постфактум, т.е. уже по завершении проблемного отрезка информировать слушающего о том, что этот отрезок подлежит уточнению или исправлению. При редактировании могут (но не обязательно должны! – об этом подробнее см. ниже) использоваться особые лексические средства и синтаксические конструкции, например, не X, (а) Y и др.:

(3) N53

19	... (0.7) /И-ии' ... (0.5) мы когда вот ... (0.5) приехали в какое-то одно /здание там,
20	(Ну не /здание,
21	\пещера такая была.
22	... (0.8) \Вот.)
23	... (0.5) мы там /увидели злобную \акулу.

В режиме коррекции задача говорящего сделать так, чтобы слушающий проигнорировал забракованный фрагмент, не прерывая приема текущего сообщения, т.е. отнесся к забракованному фрагменту так же, как он отнесся бы к зачеркнутому фрагменту в письменном тексте. В режиме редактирования сигнал о проблеме посылается слушающему, когда соответствующая порция дискурса уже не просто получена, а как бы уже зарегистрирована как полученная, и поэтому зачеркнуть ненужное «он-лайн» уже невозможно. На этом этапе можно только строить новое сообщение, отменяющее или уточняющее полученную информацию.

Рассмотрим сначала, какие типы исправлений осуществляет говорящий в режиме коррекции, а затем обсудим как можно эти и другие типы речевых сбоев наиболее полно и адекватно отобразить в транскрипте устного рассказа.

² После номера примера следует индекс текста в составе корпуса. В левой колонке таблицы указан номер строки в составе текста. О конкретных знаках, используемых в транскрипте при разметке самоисправлений, см. подробнее в следующих разделах. О других типах нотации, в том числе о разметке акцентов, направлении тона, типов иллюкуций и проч., см. [22]

2. Параметры классификации коррекций

В качестве основных предлагаются следующие четыре параметра классификации (подробнее об этом см. [25]):

- Структурный диапазон коррекции (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса).
- Линейный диапазон коррекции (линейная дистанция между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом).
- Тип операции (степень формального и семантического сходства между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом).
- Объем забракованного фрагмента (сегментная протяженность и цельноформленность забракованного фрагмента).

Рассмотрим эти параметры последовательно.

2.1. Структурный диапазон коррекции (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса).

2.1.1. Речевые сбои и структура дискурса

Мы исходим из предположения, что структура дискурса может быть представлена в виде иерархически организованной сети дискурсивных единиц. В качестве минимальных узлов сети мы рассматриваем элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ). Сегментация на ЭДЕ графически отображается в транскрипции в виде деления на строки. Прототипические («канонические») ЭДЕ представляют собой элементарные предикации (клаузы), обладающие интонационной целостностью. По нашей оценке канонические ЭДЕ составляют около 70% всех ЭДЕ в естественном дискурсе. Однако просодический и семантико-синтаксический критерии выделения ЭДЕ не всегда согласуются. Если просодический критерий преодолевает семантико-синтаксический, то в одной ЭДЕ, выделяемой на просодических основаниях оказывается более одной клаузы («большие ЭДЕ»), или, напротив, часть клаузы («малые ЭДЕ»), см. подробнее [23].

Одной из основных причин возникновения неканонических ЭДЕ являются речевые сбои. По существу, возникновение неканонических ЭДЕ свидетельствует о том, что говорящему не удается построить прототипическую клаузу за один шаг, и он вынужден либо предпринять пробные («перспективные») шаги, прежде чем достигнет удовлетворительного результата, либо прибегнуть к дополнительным («ретроспективным») шагам, чтобы достроить или перестроить сказанное. В частности, малая ЭДЕ может возникнуть, если говорящий отказывается продолжить текущую ЭДЕ в связи с необходимостью заменить, удалить или повторить уже проартикулированный речевой отрезок и начинает строить новую ЭДЕ. Так, в примере (4) канонической ЭДЕ (строка 12) предшествуют две малых – они представляют собой две неудавшихся, т.е. не устроивших говорящего, попытки выразить нужный смысл:

(4) Z36

10(1.3) И /мы значит(1.3) \стали ==
11(0.9) 'У нас ==
12	..(0.1) М-мы ..(0.1) стали жить ..(0.3) на третьей /Шацкой,

Такого рода малые ЭДЕ, представляющие собой пробные шаги, предшествующие произнесению «доброкачественного» материала, часто называют фальстартами, ср. термин false start в [??, с.18]. В русской лингвистической традиции иногда используется термин «пробный шаг», см., например, [24]. Однако не всякая коррекция приводит к возникновению малой ЭДЕ. В частности, говорящий может осуществлять коррекцию короткого фрагмента текущей канонической ЭДЕ, не обрывая ее, как в примерах (1), (2), приведенных выше. В тех случаях, когда говорящий «отвергает» всю уже произнесенную часть клаузы, от самого начала, и исправленная клауза начинается заново, точка прерывания отмечается в транскрипции знаком == (мы называем этот знак знаком **сильного фальстарта**). В тех случаях, когда говорящего не устраивает лишь некоторый – не начальный – фрагмент ЭДЕ, точка прерывания отмечается в транскрипции знаком || (мы называем этот знак знаком **слабого фальстарта**, подробнее о транскрипционных знаках речевых сбоев см. ниже в разделе 3).

2.1.2. Макрокоррекции vs. микрокоррекции. Начальные коррекции vs. срединные коррекции

Два класса, выделяемых по признаку «структурный диапазон коррекции», мы условно именуем **микрокоррекциями** и **макрокоррекциями**. Микрокоррекции отражают проблемы говорящего, связанные с построением отдельной ЭДЕ, а макрокоррекции отражают трудности, связанные с построением неэлементарного фрагмента структуры дискурса (ср. противопоставление внутрифразовых и текстовых речевых сбоев в [24]). Приведенные выше примеры (1), (2) и (4) демонстрируют микрокоррекции.

Микрокоррекции подразделяются далее на **срединные** и **начальные**. Срединную микрокоррекцию говорящий использует в тех случаях, когда между началом ЭДЕ и началом забракованного фрагмента имеется материал, не подлежащий коррекции, как в примерах (1), (2) и в примере (5):

(5) N02

2	ну Ля значит с \Чингизой пое= хотела уехать в /Отдых,
---	--

где забракованный фрагмент (пое=), отделен от начала ЭДЕ материалом, не подлежащим коррекции (ну Ля значит с \Чингизой). Фактически, в (5), так же, как и в примерах (1), (2), говорящий ценюй частичного исправления «спасает» ЭДЕ, к артикуляции которой уже приступил и начальная часть которой его устраивает. Иными словами, при срединных микрокоррекциях всегда имеет место слабый фальстарт.

Если же говорящий использует начальную микрокоррекцию, то возможен как слабый, так и сильный фальстарт. Если коррекции подлежит фрагмент, который находится в абсолютном начале узла, планированием и оформлением которого занят говорящий, то говорящий может прервать артикуляцию, полностью отказаться от неудавшейся попытки и приступить к построению ЭДЕ заново, как в (4). В этом случае между малой ЭДЕ и непосредственно следующей за ней канонической ЭДЕ, обычно обнаруживаются типичные просодические симптомы границы ЭДЕ – начало интонационного движения с базового уровня частоты, относительное увеличение темпа и громкости, уменьшение долготы гласных и ряд других, см., например, [27, с.146]. Более того, и забракованный, и, соответственно, откорректированный материал часто начинаются с элементов, грамматически допустимых лишь в абсолютном начале клаузы – таких, например, как союзы, ср. следующий пример, где говорящий строит заново строку 3, заменив не устроивший его союз **когда** на союз **что**:

(6) Z41

1.	У меня-а / <u>такой</u> сон был,
2.	..(0.3) когда ==
3.	ээ(0.1) что я / <u>вы</u> рос,
4.	...(0.5) ээ(0.2) я "(0.2) значит <u>себе</u> купил /кварт <u>и-и</u> ру там_

Однако и при коррекциях в абсолютном начале текущего узла говорящий может предпочесть не обрывать артикуляцию, а «спасти» ЭДЕ, к произнесению которой приступил. В таких случаях после забракованного фрагмента в точке прерывания не наблюдается симптомов границы ЭДЕ. Чаще всего так бывает, когда в абсолютном начале происходит повтор небольшого отрезка (о признаках «объем забракованного фрагмента» и «тип операции» см. подробнее ниже):

(7) Z51

15	..(0.4) и мне ..(0.1) и /мне нужно было /зайти <u>значит</u> в \н <u>о</u> мер☺,
----	---

Разграничение микрокоррекций и макрокоррекций связано с разграничением уровня иерархической структуры дискурса, который затрагивается коррекцией. При микрокоррекциях, как было сказано, говорящий обрабатывает, т.е. планирует и перепланирует только один, текущий, узел дискурсивной структуры. Однако такого рода оперативная коррекция возможна далеко не всегда. Уже приступив к произнесению некоторой дискурсивной единицы, говорящий может оказаться вынужден прервать произнесение, чтобы существенно дополнить или перестроить локальную структуру дискурса – то есть прибегнуть к макрокоррекции.

При макрокоррекциях в связи с перестройкой дискурсивной структуры (в зависимости от типа операции, см. ниже), могут происходить: (А) вставка одной или более ЭДЕ между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом, или (Б) кумулятивная коррекция забракованного фрагмента в нескольких последующих ЭДЕ. Так, в следующем примере забракованным фрагментом является строка 3 (..(0.2) и вдруг ус= ==). Эта строка квалифицируется говорящим как преждевременная, и поэтому возобновлению рассказа об услышанном предшествует вставка, строка 4, содержащая недостающую фоновую информацию ..(0.1) и мама куда-то /отошла,:

(8) N30

1.	/Я /стоял(1.0) в большой \к <u>о</u> мнате,
2.	..(0.4) с \м <u>а</u> ↑мой,
3.	..(0.2) и <u>вдруг ус= ==</u>
4.	..(0.1) и <u>мама куда-то /отошла</u> ,
5.	и я услышал \т <u>а</u> к <u>вот</u> :
6.	«/\У-уу!»
7.	..(0.4) Как \в <u>о</u> й.

Кумулятивная коррекция состоит в том, что исправление неверно или преждевременно начатой единицы происходит распределенно в нескольких ЭДЕ, следующих за корректируемой/корректируемыми. В примере (9) забракованный фрагмент – блок из строк 19 и 20 – корректируется кумулятивно в последующих строках с целью передать смысл ‘плохо, что все то хорошее, что привиделось, это только сон’:

(9) N40

19(2.1) И ... (0.8) [..(0.3)](2.4) {ОТКАШЛИВАНИЕ} ..(0.2) вот что так Лплохо ..(0.2) чувствовать, [угу.]
20	то что(1.1) ты ==
21(2.3) ээ(0.2) ЛХорошо чувствовать
22	то что ты сидел ..(0.3) с /–папой как будто с Лмамой с ЛДимкой_
23(1.8) сидишь Лтелевизор смотришь_
24	..(0.1) а /оказывается,
25	это всё \неправда.

При макрокоррекциях всегда имеет место сильный фальстарт: между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом всегда имеется граница ЭДЕ и забракованный фрагмент локализуется либо в отдельной малой ЭДЕ, как в (8), либо в последовательности ЭДЕ, из которых завершающая является малой, как строка 20 в примере (9) выше. Таким образом, макрокоррекции – в отличие от микрокоррекций – всегда затрагивают фрагмент дискурсивной структуры, включающий более одной канонической ЭДЕ.

Итак, при срединных микрокоррекциях всегда имеет место слабый фальстарт (сопутствующие, малые, ЭДЕ не возникают). При начальных микрокоррекциях возможен как слабый, так и сильный фальстарт. При макрокоррекциях всегда имеет место сильный фальстарт.

2.2. Линейный диапазон коррекции (линейная дистанция между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом).

2.2.1. Контактные коррекции vs. дистантные коррекции.

По признаку «линейный диапазон» коррекции делятся на **контактные** и **дистантные** в зависимости от линейного расстояния между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом. Этот признак, так или иначе, учитывается большинством исследователей речевых сбоев (ср. противопоставление контактных и дистантных повторов применительно к русскому материалу в [24]), но при различных подходах оценка линейного расстояния производится по-разному. Мы предлагаем считать контактными коррекции, при которых забракованный фрагмент и его откорректированный коррелят следуют непосредственно друг за другом или между ними имеются только собственно паузы, паузы с долексическим заполнением (MMM, ЭЭЭ) или лексические маркеры речевого сбоя (ну, это самое, ой, то есть и др., см. о них ниже). Если же между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом имеется лексический материал с пропозициональным содержанием, не затронутый коррекцией («вставка»), то коррекции классифицируются как дистантные.

По контактности / дистантности могут различаться как макро-, так и микрокоррекции. Так, контактными являются, в частности, срединные микрокоррекции в (1) и (5), начальные микрокоррекции в (4), (6) и (7) и макрокоррекция в (9). Дистантными являются срединная микрокоррекция в (2) и макрокоррекция в (8). Приведем еще пример контактной макрокоррекции:

(10) Z28

7	..(0.3) /вдруг я-а увидел /милиционер <u>а</u> ,
8.	и \спросил его:
9.	..(0.4) –как добраться до \д <u>о</u> ма,
10.	..(0.3) и /он ме= ==
11.	..(0.4) и /он /позвонил ..(0.3) /дом <u>о</u> й,
12.	и ...(0.9) я ==
13.	...(0.7) и за мной /при <u>е</u> хали,
14.	и отвезли \дом <u>о</u> й.

где забракованный фрагмент и /он ме= == первоначально, по-видимому, задумывался со значением ‘он меня отвез/отправил’, но в результате перепланировки дискурсивной структуры в четырех строках, непосредственно следующих за забракованным фрагментом, кумулятивно возникло более дробное и детализированное описание ситуации – ‘он позвонил, и за мной приехали и отвезли домой’. (Интересно, что внутри откорректированной группы строк 11-14 имеется еще один сбой – контактная начальная микрокоррекция: и ...(0.9) я == заменено на и за мной. По-видимому, на протяжении всего этого эпизода говорящий испытывает колебания относительно того, как «упаковать» ситуацию с точки зрения ролевого распределения участников.)

Как было сказано выше, к числу контактных мы относим и такие коррекции, при которых между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом имеются только дискурсивные маркеры – сигналы речевого сбоя. Это могут быть сигналы эмоциональной реакции говорящего на неожиданно обнаруженную в своей речи ошибку или неточность, нуждающуюся в исправлении. Такими маркерами являются, например, ой или фу – в нашем корпусе они не засвидетельствованы, но представление об их возможном употреблении при контактной коррекции может дать следующий сконструированный пример:

(11)

и тут я увидела Ната= || ой Машу!

Другим – гораздо более частотным – типом лексических сигналов речевого сбоя являются дискурсивные маркеры хезитации, функция которых – сообщить слушающему, что говорящий намерен продолжить речь, но ему требуется некоторое дополнительное время на подготовку следующего отрезка. В частности, при коррекциях эти маркеры сигнализируют о том, что говорящему требуется дополнительное время на исправление. Наиболее частотным маркером этого типа в нашем корпусе является ну, более редкими – значит, сейчас. В следующем примере представлена начальная контактная микрокоррекция – между забракованным фрагментом и его повтором имеется незаполненная пауза и дискурсивный маркер :

(12) Z12

7	/потом ...(3.4) ну –потом мы там(3.1) чего-то на \физкультуре были,
---	---

2.2.2. Маркеры препаративной подстановки

Особый класс лексических сигналов речевого сбоя составляет подгруппа маркеров хезитации, для которых мы предлагаем использовать термин «маркеры препаративной подстановки» (см. [25], ср. также термины «препаративная замена» в [28, 29, 30] и англ. placeholder в [31, 32]). Феномен препаративной подстановки состоит в том, что

говорящий, не найдя удовлетворяющую его вербализацию составляющей, временно подставляет на ее место заместитель. В качестве маркеров препаративной подстановки в языках мира чаще всего используются указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения, а также слова, исторически восходящие к местоимениям этих классов; используются также существительные с максимально обобщенным значением типа 'вещь', 'дело'. В русском языке в этом качестве используются местоименные выражения *это, это самое, как его* и т.п.:

(13) N13

6	...(0.7) ну как будто мн= ..(0.3) мне мама /дала ... (0.9) \это \сигаре_еты,
---	--

(14) Z06

10	...(0.7) а там-м \это ..(0.3) лежат всякие такие ☺\сокро_овища☺ /сокро_вища!
----	--

Маркеры препаративной подстановки обычно используются говорящим в тех случаях, когда хезитация связана с «близким» поиском, т.е. когда предстоящая порция дискурса уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей. Особенно это касается согласуемых маркеров препаративной подстановки, типа *этот (самый) / эта (самая) / эти (самые), такой / такая / такие, как его / как её / как их*, которые демонстрируют, что говорящий уже выбрал падежно-числовую форму планируемой именной группы (а в случае единственного числа еще и род) и колеблется лишь в выборе конкретной номинации, как в следующем примере:

(15) Z05

9	«Не -ходи тудаі
10	Там всякие /э-эти \бандиты.»

В русском языке согласованные маркеры препаративной подстановки могут замещать только «отложенные» именные группы, см. (15), несогласованные – могут замещать как именные группы, см. (13), так и глагольные, см. (14). При подстановке на место отложенной глагольной группы маркер препаративной подстановки помещается непосредственно перед этой группой – в позицию перед зависимой инфинитивной группой, как в (16), в абсолютное начало финитной предикации, как в (17), в позицию после начального коннектора и/или начального обстоятельства, как в приведенном выше примере (14), или в позицию после подлежащего, как в (18):

(16) N32

37	...(0.4) /я ... (0.9) хочу ..(0.1) ээ(0.3) \это-о "(0.3) /убежа_ть от него,
----	---

(17) N07

59(1.7) \Это-о,
60	сдал= сдавала-а "(0.2) ..(0.1) /отч_ёт,

(18) N48

15.(2.8) И-и(3.0) онн(1.4) \это ..(0.3) каким-то ... (0.5) образом убежал в \Монго_лию,
-----	--

В ряде языков маркер препаративной подстановки может сочетаться не только с именными, но и с глагольными словоизменительными показателями. В русском языке

это невозможно, но допускается, тем не менее, присоединение к маркеру деривационных глагольных префиксов, как в следующем примере:

(19) N06

11	...(0.8) И он он приэто= не /привязан,
12	а \прибит ..(0.1) /гвоздями,

Появление маркера препаративной подстановки не обязательно влечет за собой коррекцию: так, в примерах (15)-(18) коррекции нет, а в (19) – есть (забракованный фрагмент – приэто=). В соответствии со сформулированным выше общим правилом, если между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом из лексического материала имеется только маркер препаративной подстановки, такая коррекция считается контактной. Чаще маркеры препаративной подстановки используются при контактных повторах, как в (20), где повторен предлог **в**, и в (21), где повторено местоимение **она**, реже – при контактных модификациях, как в (22), где предлог **в** заменен на предлог **на** (о повторах и модификациях как коррекциях, противопоставленных по признаку «тип операции» см. ниже):

(20) N54

92	А /вы <u>сегодня</u> нас /поведёте в \этот ..(0.4) в тренажёрный \зал?».
----	--

(21) Z48

2.(6.0) она-а \это ..(0.3) она /бежала,
----	--

(22) N02

16.	Чингиз в \это на \рельсы прыгнул!
-----	--------------------------------------

К классу контактных мы относим и те случаи коррекции, когда говорящий использует согласуемые маркеры препаративной подстановки, типа **этот (самый) / эта (самая)**, но «исправляет» его падежно-числовую форму. Так в следующем примере говорящая первоначально, по-видимому, планировала слово мужского рода (скорее всего, **орден**), но потом заменила на сопоставительную конструкцию «без рода» (типа **медали**):

(23) N53

84	...(0.6) А в /другой \пещере мне дали ...(0.6) \этот “(0.4) типа /медали,
----	--

2.2.3. Дистантные коррекции: проективные vs. непроективные

Контактные коррекции возникают в тех случаях, когда говорящий обнаруживает, что произнесенный отрезок по форме и / или по смыслу не соответствует исходному замыслу. Дистантные коррекции возникают тогда, когда в правке нуждается не столько сам материал, сколько момент его появления в речевом потоке: основной причиной дистантных коррекций является преждевременная артикуляция речевого отрезка. Функция дистантных коррекций состоит в том, чтобы компенсировать преждевременность артикулированной порции дискурса: достроить необходимый для правильного понимания материал и заново начать артикуляцию.

Если дистантной является макрокоррекция, то вставка – материал, который говорящий достраивает, прежде чем вновь приступить к артикуляции задуманного – включает одну или несколько канонических ЭДЕ, см. пример (8) выше и следующий пример:

(24) N48

34	Он завёл себе лягушку,
35	..(0.2) а /они (..0.2) отбили у неё одну лапу.
36	Она стала трёхногая лягушка.
37	...(0.8) ЛИ-ии(3.9) /онh ..(0.2) простoh(1.6) с-сь= ==
38(0.4) /Потом он один раз вышел на бал= ==
39	Он стал носить эту лягушку на голове.
40	/Потом он один раз вышел на балкон,
41	..(0.4) и его Лпристрели-или.

где вставка – строка 39 (Он стал носить эту лягушку на голове) – возникает в связи с тем, что строки 37 и 38 (...(0.8) ЛИ-ии(3.9) /онh ..(0.2) простoh(1.6) с-сь= == и(0.4) /Потом он один раз вышел на бал= ==) оборваны и забракованы говорящим как две преждевременных попытки перейти к эпизоду об убийстве на балконе. Прежде чем перейти к этому эпизоду, говорящий решил достроить предшествующий эпизод – про лягушку.

Если дистантной является микрокоррекция, то вставка по определению меньше ЭДЕ. В следующем примере дистантной микрокоррекции говорящий корректирует время глагола и одновременно, между забракованным фрагментом **СТОЯЛ** и его откорректированным коррелятом **СТОЯТ**, достраивает часть идиомы. Это достраивание стоит говорящему заметных усилий, поскольку он прибегает последовательно к паузе хезитации, заполненной глоттальным скрипом – "(0.2)", затем к препаративной подстановке – \ЭТИХ, к незаполненной паузе – ... (0.5) и вновь к заполненной паузе – мм(0.4):

(25) N11

27	..(0.2) И-ии "(0.3) я-а \столб не забил.
28	...(0.6) \Вот.
29	..(0.3) Как на железных стоял "(0.2) \Этих ... (0.5) мм(0.4) \дорогах стоят,
	..(0.4) ТА/к]
30	[там] /–два-а километра –три километра_

Дистантные коррекции можно разделить на два больших подкласса в зависимости от грамматического и дискурсивного статуса вставки. Вставка может быть грамматически и дискурсивно связана с материалом, предшествующим забракованному фрагменту. Такова, например, дистантная микрокоррекция в (26):

(26) N52

17.	Значит /папа ле-е'= мой /лежал на кровати.
-----	---

где говорящий, осознав, что преждевременно приступил к произнесению глагола **лежал**, прервался и достроил с помощью вставки – притяжательного местоимения – именную группу **папа мой**. Такова также дистантная макрокоррекция в (24) выше, где говорящий использует вставку, чтобы достроить предшествовавший забракованному фрагменту эпизод про лягушку, и в (27):

(27) N14:

3(1.5) на скамейке сидит /старуха,
4	рядом ..(0.4) со стар= ==
5	/старушка такая с \клюкой,
	угу.
6	рядом со старушкой /я сижу,

где вставка – строка 5 (/старушка такая с \клюкой,) – является уточнением к строке 3 (на скамейке сидит /старуха,), предшествующей забракованному фрагменту (рядом ..(0.4)со стар= ==). Коррекции такого типа можно условно назвать непроективными, поскольку в них компоненты одной грамматической и дискурсивной составляющей линейно располагаются между компонентами другой составляющей.

Однако чаще встречаются дистантные коррекции другого типа, которые мы условно будем именовать проективными. В них вставка не имеет «внешних» связей: грамматически и дискурсивно она связана только с корректируемым материалом. Таковы, например, следующие дистантные микрокоррекции:

(28) N46

12	и /потребовали за меня ..(0.4) ст= ..(0.3) /выкуп в сто \д-долларов.
----	---

(29) N06

47	..(0.4) у нас /балк <u>он</u> стоит,
18.	..(0.1) с бал= ээ(0.1) рядом с /балконом —
19.	по-о ..(0.2) левую \сторону,
20.	— ..(0.1) стоит /телевизор,
21.	...(0.5) и около телевизора /ковёр и \кровать.

где вставки, по существу, просто расширяют «влево» ту составляющую, к произнесению которой говорящий приступил слишком рано – **ВЫКУП В СТО** вместо **СТО** в (28) и **рядом с балконом** вместо **с бал=(коном)** в (29). Аналогичным – проективным – образом, устроена дистантная макрокоррекция в следующем примере:

(30) Z39

19(1.5) 'и-и ... (0.5) /сказа <u>а</u> -ала,
20	..(0.3) что это ... (0.4) не из-за мень= ==
21	..(0.1) я ей всё это /рассказ <u>ал</u> ,
22	...(0.5) <и> она мне сказала
22.	что это не из-за /меня,

где вставка (..(0.1) я ей всё это /рассказал,) вводит дополнительную, фоновую, информацию к фрагменту(1.5) 'и-и ... (0.5) /сказаа-ала, ..(0.3) что это ... (0.4) не из-за мень= ==. Уже приступив к оформлению этого фрагмента, говорящий осознал, что не будет понят без предваряющего объяснения, и поэтому расширил этот фрагмент влево за счет вставки. С функциональной точки зрения проективные дистантные коррекции очень близки к контактными: линейно забракованный фрагмент и его откорректированный коррелят расположены дистантно, т.е. отделены сегментным

материалом, однако составляющие, в которые включены, соответственно, забракованный фрагмент и его откорректированный коррелят, расположены контактно.

Итак, по признаку «линейный диапазон» мы подразделяем коррекции на контактные и дистантные, а дистантные коррекции, в свою очередь, на проективные и непроективные.

2.3. Тип операции (степень формального и семантического сходства между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом)

2.3.1. Основные типы операций. Функции повторов.

По признаку «тип операции» мы подразделяем коррекции на три класса: (а) повторы, (б) модификации – замены забракованного фрагмента с полным или частичным сохранением его значения, и (в) отмены – замены забракованного фрагмента без сохранения его исходного значения или полный отказ от исходного замысла.

Повтор – наиболее частая реакция говорящего на речевой сбой. (К числу повторов мы относим и «квазиповтор» – повтор с изменением долготы звука, повтор с изменением акцента или тона в акценте, повтор с добавлением или отменой глоттализации и придыхания, например, я vs. яh). Из примеров, приведенных в предыдущих разделах, контактный микроповтор представлен, в частности, в (12), дистантный микроповтор – в (2), дистантный макроповтор – в (27). Контактных макроповторов в нашем корпусе нет, но представление о них может дать следующий сконструированный пример:

(31)
Мне приснилось,
что мы с мамой пое= ==
Мне приснилось,
что мы с мамой поехали на дачу.

Повтор это операция, которая, с точки зрения ее когнитивной интерпретации, представляет собой совмещение функций коррекции и хезитации: произнеся некоторый фрагмент, говорящий может прерваться, ощутив сомнение в том, что этот фрагмент соответствует изначальной программе, затем отвергает эти сомнения и повторяет данный фрагмент, сигнализируя о том, что вербализации более удачной, чем первоначально предложенная, он не подобрал. При повторах сомнения говорящего могут быть связаны как с уже произнесенным отрезком (с его формой, значением или с его локализацией в речевом потоке), так и с отрезком, который еще только планируется к реализации. В последнем случае, по мнению Н.Г.Гармаш [24], повторы используются как чисто хезитационное средство – для того, чтобы выиграть время для более долгосрочного планирования. Установить границы отрезка, планирование которого привело к повтору, далеко не всегда удается. Так, можно предположить, что в следующем примере оборванный фрагмент слова у= и его последующий контактный микроповтор в составе слова уроками свидетельствуют о том, что говорящий «нащупывал» возможность произнесения именно этого слова:

(32) Z32

28	...(1.1) ну с недоделанными ..(0.3) у= ""(0.9) \ну-у ... (0.1) /уроками,
----	--

Однако даже контактные микроповторы не всегда интерпретируются однозначно. Так, в следующем примере имеется два контактных микроповтора – повтор после

незаполненной паузы (пла'= ..(0.2) платить) и повтор с паузой и препаративной подстановкой (чет= ... (0.5) \это ..(0.4) четыреста):

(33) Z56:19

16	...(0.4) <НРЗБ 1>...(0.7) /Туда надо пла'= ..(0.2) платить чет= ... (0.5) \это ..(0.4) четыреста восемьдесят \долларов.
----	--

Первый из двух повторов мог быть вызван как проблемой с поиском глагола **платить**, так и проблемой более долгосрочного планирования: можно предположить, что если говорящий при оформлении глагола уже начал планировать следующее за глаголом «трудное» числительное, то уже на стадии произнесения глагола он мог попытаться выиграть время за счет повтора, а когда этого ресурса ему не хватило, прибегнуть к еще одному повтору – на этот раз уже внутри группы числительного.

Повторы чаще, чем другие типы операций, могут возникать как реакция на нарушение внешних условий коммуникации. Так, в следующем примере, в котором говорящий одновременно рисует и комментирует нарисованное, забракованный фрагмент – строка 17 (/эта сторон-на ==). После реакции на внешний раздражитель (проблема поиска карандаша) говорящий начинает строить строку заново с повтора:

(34) Z27

17	...(2.9) /эта сторон-на ==
18	...(0.8) ('А \где <другой карандаш?>)
19	...(3.8) /эта сторона вся-а ..(0.2) –такая,
20	...(0.5) /коричневая \жёлтая,

2.3.2. Модификации и отмены

Два других типа коррекций, которые мы – наряду с повторами – выделяем по признаку «тип операции», это модификация и отмена. Говорящий использует модификацию в тех случаях, когда ревизии подлежит не исходное смысловое задание, а его конкретное воплощение. В этих случаях забракованный фрагмент корректируется с полным или частичным сохранением значения. Если же говорящий полностью отказывается от исходного замысла, то используется операция отмены или радикальной замены забракованного фрагмента без сохранения его значения. Разграничение операции модификации и операции отмены согласуется с предложенным в [8] разграничением коррекций, направленных на устранение ошибки (error repairs), и коррекций, направленных на уточнение сказанного (appropriateness repairs).

Микромодификации часто связаны с уточнением деталей ролевой «упаковки» ситуации, а также с уточнением референциального статуса участников ситуации, их меререологического или таксономического класса. Приведем пример контактной микромодификации, приводящей к более идиоматичному выражению аспектуального значения:

(35) Z18

12	— ... (0.4) я ст-тала сп= м'м(0.4) /заснула с-сраз-зу,
----	---

При контактной микромодификации в следующем примере местоимение заменено на кореферентную полную именную группу:

(36) Z54

7	*(А /она ==
8	..(0.2) А /Аня ..(0.4) быстро \бегала.
9	..(0.2) \Вот,

Пример контактной микромодификации, направленной на сужение таксономического класса объекта:

(37) N67

3	...(0.7) мм(0.4) какой-то такой чело= –ну /женщина,
---	--

Контактные макро-модификации обычно связаны с развернутой коррекцией забракованного фрагмента в нескольких последующих ЭДЕ, как в (9), (10) выше.

Дистантные модификации и на микро- и на макроуровне имеют двойную функцию: как модификации они призваны заменить один фрагмент на другой с сохранением значения, а как дистантные коррекции они призваны компенсировать преждевременность артикулированной порции дискурса. Дистантная модификация на микроуровне может быть проиллюстрирована следующим примером:

(38) Z50

13	...(0.7) И два моих \друга там были.
14	...(0.9) эээ(0.5) ..(0.4) /Один-н ==
15(3.2) Мы значит ...(0.9) с одним стоим как-то на берег= на /одном берегу,
16	а /другой на \другом берегу.

в котором забракованный фрагмент – оборванная строка 14 (... (0.9) эээ(0.5) ..(0.4) /Один-н ==) – корректируется в следующей целевой ЭДЕ в нужном падеже и с нужной локализацией (после подлежащего). Заметим, что вторая коррекция в этой же строке – контактная микромодификация (вместо **на берег=** появляется **на /одном берегу**) показывает, что говорящая, по-видимому, испытывает трудности с форматом «один на одном... другой на другом...» на протяжении всего высказывания и, вероятно, стремится избежать проблемы повтора местоимения.

Приведем примеры дистантной модификации на макроуровне. В (39) после забракованного фрагмента (/потом-м ...(0.6) \девочка мне-ew ==) следует вставка (... (1.2) Луже как это на следующий \день ↑получилось утром,), в которой объясняется, когда происходит дело, а затем, при возобновлении, в откорректированной строке (..(0.4) и одна девочка говорит) уточняется референт – номинация **девочка**, ошибочно введенная в забракованной строке как известная, заменяется на неопределенно-референтное выражение **одна девочка**:

(39) N57

90	/потом-м ...(0.6) \девочка мне-ew ==
91(1.2) Луже как это на следующий \день ↑получилось утром,
92	..(0.4) и одна девочка говорит
93	«Что ты тут \лицешь?»,

Существенное свойство модификаций как особого типа операций состоит в следующем: несмотря на то, что с формальной точки зрения забракованный материал из структуры дискурса удаляется, значение забракованного фрагмента не полностью

«стирается». Например, если в забракованном фрагменте имелась полная именная группа, то в откорректированной порции может содержаться анафорическое местоимение, отсылающее к этой именной группе. Так, в следующем примере

(40) N67

18	и –причём ..(0.1) была /мама ..(0.1) /’и-и \Ка-атяв.
19	...(0.7) Ну и чего-тоw ...(0.5) ну я-яяw(1.2) ну так /спросила,
20	ну и \мама говорит,
21	чтоw ..(0.1) \ну мол ==
22	...(0.3) /подойти <по-моему> <\мне \меня> она /попросила,
23	гов ^о рит ..(0.4) «/Пойди \помоги ейj».

забракованный фрагмент (ну и \мама говорит, чтоw ..(0.1) \ну мол ==) корректируется с детализацией в последующих двух строчках – первая попытка построить конструкцию с косвенной речью не удалась, и говорящая использует последовательно конструкцию с инфинитивным зависимым (...(0.3) /подойти <по-моему> <\мне | \меня> она /попросила,) и уточняющую ее конструкцию с прямой речью (говорит ..(0.4) «/Пойди \помоги ейj»). При этом в забракованном фрагменте имеется полная именная группа (мама), к которой отсылают и местоимение она, и референциальный ноль в откорректированном материале.

Отмены – в противоположность модификациям – мы квалифицируем как операции, при которых говорящий заменяет забракованный фрагмент без сохранения его исходного значения или полностью отказывается от исходного замысла. Отмены забракованного фрагмента представлены в нашем корпусе исключительно как контактные коррекции. На микроуровне отмены чаще всего являются следствием ошибочно выбранной номинации (обычно из близкого таксономического класса):

(41) N54

89	...(0.1) и \<там-м там я> /девочке ..(0.3) /мальчику одному –сделала \уколы.
----	---

(42) N18

10	Ну й= ..(0.1) я отвеч= /спрашивалаw,
----	---

Такого рода ошибки часто трудно отделить от оговорок – т.е. сбоев, связанных с наиболее поверхностными уровнями порождения дискурса, приводящими к произвольному использованию говорящим незапланированных им фрагментов. Коррекции оговорок, при которых порождаются незапланированные, но потенциально осмысленные отрезки, как в (41), (42), мы квалифицируем как отмены. Если же при коррекции оговорки говорящий бракует отрезки, не поддающиеся осмысленной интерпретации, как в (43), то мы считаем, что коррекция не затрагивает исходного замысла и может рассматриваться как особый тип модификации:

(43) N57

59(1.1) то ли их рестари= /реставрируют,
60	то ст= ..(0.2) то ли /–строят,

В принципе, на количественные оценки коррекций решение о статусе оговорки существенно не влияет, поскольку это явление очень редкое (о частотности отдельных типов речевых сбоев см. подробнее в заключении). Все имеющиеся в корпусе оговорки корректируются на микроуровне.

Отмены на макроуровне связаны, как правило, с радикальным отказом от первоначально запланированной линии повествования (мы условно называем такое явление «фальстепом»). Так, в следующем примере говорящий, вероятно, сначала предполагал развернуть эпизод «про Санька», но затем отверг эту линию и свернул рассказ:

(44) Z06

19(1.0) И-и Лмы-ы с Саньком ..(0.1) тогда /пошли,
20	...(0.6) в \магазин,
21	чего-нибудь \покупать,
22	..(0.4) а-а ==
23	...(0.5) и Са= ==
24	и я \проснулся,
25	на самом там ..(0.2) интересном \месте.

2.4. Объем забракованного фрагмента (сегментная протяженность и цельнооформленность забракованного фрагмента)

По признаку «объем забракованного фрагмента» мы подразделяем коррекции на два класса с условными ярлыками «мелкие» и «крупные». Это деление отражает степень знаменательности / служебности забракованного фрагмента и, как следствие, степень его потенциальной дискурсивной самостоятельности, т.е. способность самостоятельно формировать предикацию. К мелким забракованным фрагментам мы относим: (1) часть слова, (2) служебное слово (союз или коннектор иного типа, предлог, частица, дискурсивный маркер), (3) сочетание служебных слов и/или их частей, (4) сочетание служебных слов и части (частей) полнозначных слов. Все остальные забракованные фрагменты считаются крупными. Так, к классу мелких относится забракованная последовательность, состоящая из дискурсивного маркера, союза и части предлога (ну а заме=) в строке 19 в (45):

(45) N66

19	...(0.4) Лну-у а заме= ==
20	что меня /насторожило,
21	что-о ..(0.2) \это-о ..(0.2) заместо /носа у него были /просто две \дырки.

К классу крупных мы относим не только фрагменты, включающие полнозначные существительные и/или глаголы, как в приведенных выше примерах (24), (34), (39) и других, но и фрагменты, включающие наречия, как и вдруг ус= в (8), или местоимения, как 'У нас == в (4), и мне == в (7) и другие.

Противопоставление мелких и крупных забракованных фрагментов позволяет различать коррекции в зависимости от того, насколько значителен артикулированный отрезок, который говорящий вынужден подвергнуть пересмотру или повтору. Это противопоставление учитывает одновременно сегментную протяженность и цельнооформленность забракованного фрагмента и, по существу, является континуальным: от части слова к служебным словам, далее к непредикатным полнозначным словам, далее к предикатам и, наконец, к полным предикациям и их группам. Мы условно делим эту шкалу на две части – в точке перехода к полным

знаменательным словам – чтобы иметь возможность принять дискретные решения об отражении основных классов речевых сбоев в транскрипции.

3. Основные правила разметки речевых сбоев в транскрипте

3.1. Заполненные паузы и смежные долексические сигналы речевых сбоев

3.1.1. Абсолютные и заполненные паузы

Сведения о локализации пауз, их качестве и длительности составляют важнейшую часть информации, отражаемой в транскрипте устного текста. Абсолютные паузы (паузы без вокализации) обозначаются при помощи двух, трех или четырех точек в зависимости от длительности (от 0.1 до 0.4 сек, от 0.5 до 0.9 сек и более 1 сек, соответственно). Паузы продолжительностью менее 0.1 сек не обозначаются. После точек в скобках без пробела указывается длительность паузы (см. подробнее в [22]). Как средство хезитации используются преимущественно заполненные паузы, т.е. периоды времени, когда вербализация не происходит, но говорящий производит вокальный сегмент типа редуцированного гласного «шва» или сонорный носовой сегмент. Такие паузы транскрибируются по аналогии с абсолютными, но вместо точек используются две, три или четыре литеры Э или М, соответственно. Длительность заполненных пауз также указывается в скобках. Паузы хезитации могут быть заполнены также гортанным скрипом, который по тем же принципам обозначается соответствующим числом апострофов. Для обозначения заполненных пауз используются только строчные буквы. В начале иллокуции, которая следует за заполненной паузой пишется заглавная буква по общим правилам.

Реальное фонетическое воплощение заполненных пауз может быть весьма многообразным (см. статью В.Г.Хуршудян в текущем номере журнала), однако детализация этого явления в корпусах устных текстов представляется делом весьма трудоемким. Поэтому мы предлагаем ограничиться условным сведением всего многообразия заполненных пауз к указанным выше трем типам со следующими оговорками.

А. Как пауза типа ЭЭ рассматриваются: все случаи гласного заполнения, в том числе, варианты с более открытым и более «задним» произнесением, типа аа; случаи, когда на гласное заполнение накладываются вдохи, вздохи, выдохи и придыхания, типа ЭХХЭЭ; случаи, когда гласный прикрывается губной смычкой, типа ЭЭW (в этом аспекте нотирование заполненных пауз отличается от нотирования лексических единиц, в которых заключительная губная смычка специально обозначается, см. подробнее ниже).

Б. Как пауза типа ММ рассматриваются случаи, когда пауза представлена губным сонорным или комбинацией сонорного с гласным (типа ЭМ, ЭМЭ, МЭЭ, МНЭ и др.)

В. Если вариант заполнения не прототипический и приходится приводить его к одному из трех базовых, то транскрайбер может описать особенности конкретной реализации в колонке «Примечания» в знаках конъюнкции, например:

(46)N32

26	...(0.5) "(0.2) ... (0.9) и /он с эээ(0.6) с-с ..(0.4) \\длинными ... (0.6) ""(0.6) такими вьюща= ээ(0.2) =миса "(0.3) \\светлыми /волосами,	&ПАУЗА МЕЖДУ ДВУМЯ ПОВТОРАМИ ПРЕДЛОГА с РЕАЛИЗУЕТСЯ ПРИМЕРНО КАК эхээ&
----	--	--

3.1.2. Гортанная смычка, губная смычка, придыхание

Апостроф используется не только для обозначения паузы, заполненной гортанным скрипом, но также и для обозначения гортанной смычки в начале или в конце слова. Сама по себе смычка не обязательно является сигналом речевого сбоя, у некоторых говорящих использование смычки может быть просто индивидуальной особенностью произнесения. Однако нередко смычка в конце слова (особенно после сверхкраткого гласного) может свидетельствовать об обрыве артикуляции в связи с обнаружением несоответствия речевой программе. То же верно и в отношении губной смычки в конце слова, которая обозначается знаком W и придыхания в конце слова, которое обозначается знаком h:

(47) Z19

23.	<НРЗБ 2>(1.2) Мне /приснилось,
24.	...(0.9) ка'= ..(0.1) ка'= ..(0.3) как яw ==
25.	...(0.7) как мне /мама ..(0.4) –ночью положила в /портфель \куклу,

(48) N25

28	...(0.7) \во-отh,
----	-------------------

3.1.3. Удлинение (нефонологическая долгота) звуков

Распространенным средством выражения хезитации является также нефонологическая долгота отдельных звуков. Удлиненные звуки продолжительностью до 0.4 сек включительно нотируются одинарным повтором графемы через дефис (а-а), продолжительностью от 0.5 сек – двойным повтором (а-аа). «Йотированные» гласные пишутся так: я-а, ю-у, ё-о, е-е (то есть решение для е не такое, как для остальных йотированных гласных). Долгие редуцированные гласные (аканье и т.п.) и согласные пишутся в соответствии со стандартной орфографией. В мягких согласных мягкость в первом вхождении не обозначается: т-ть, т-ти. Если длится звук й, который в орфографии отражается йотированной гласной, используется графема й: й-ёжик.

Возможны случаи «лигатуры» – когда конечный долгий гласный (обычно и) плавно переходит в заполненную паузу типа ЭЭ. Если компонент ЭЭ больше 0.1 сек, то этот компонент трактуется как заполненная пауза и записывается по общему правилу для пауз. Если этот компонент меньше 0.1 сек, то считается, что просто имеет место долгая гласная и изменение качества гласного игнорируется. Транскрайбер может отметить факт лигатуры в примечаниях в знаках конъюнкции:

(49) N69

2	...(0.5) 'и-и ээ(0.3) ..(0.1) 'я открыла /дверь,	&ЛИГАТУРА СОЮЗА И ЗАПОЛНЕННОЙ ПАУЗЫ&
---	--	---

3.1.4. Обрыв слова. Разрыв слова

Речевые сбои часто сопровождаются обрывом слова (в нашем корпусе, как было сказано выше, при коррекциях почти в 50% случаев имеется обрыв слова). Обрыв слова отмечается знаком = (одинарное равенство сразу после оборванного фрагмента слова без пробела). Знак обрыва слова используется и для того, чтобы отметить сверхкраткое произнесение заключительной гласной слова, что, как правило, является симптомом речевого сбоя:

(50) Z17

11	..(0.4) И /она <u>мне</u> подарила= ..(0.3) /зелё-оную ..(0.5) и-и' ..(0.3) /жёлтую,
----	--

Помимо обрыва слова, возможен его разрыв: уже начав произнесение некоторого слова говорящий может испытать сомнение в его правильности или уместности. В этом случае говорящий может прервать произнесение слова, а затем – если решит, что сомнения были напрасны, завершить артикуляцию оставшейся части. Разрыв слова отмечается знаками = в конце первой оборванной части и в начале второй. Между частями разорванного слова возможна пауза:

(51) N46

35(1.7) А русские /взя <u>ли</u> это оружие,
36	и убе'= ..(0.4) =\ж <u>а</u> ли.

В редких случаях разрыв слова может сопровождаться коррекцией. Так, в следующем примере

(52) Z17

12(1.7) /Потом ..(0.3)(1.3) подо= ..(0.1) /=бежала ко мне \ро <u>з</u> овая ..(0.1) мышка,
----	---

говорящая прерывает слово после приставки и решает заменить основу, сохранив приставку. Интересно, что при этом сохраняется первоначально планировавшийся алломорф приставки (вероятно, сначала планировалось подошла). Сходное явление наблюдается и в следующем примере, где говорящая, уже практически завершив произнесение слова, «на ходу» меняет число (не исправляя при этом числа согласованного определения):

(53) N07

54	в сталинское время-а \=ена,
----	-----------------------------

3.2. Лексические маркеры хезитации

Выше в разделах 2.2.1 и 2.2.2 были подробно рассмотрены основные классы употребления лексических маркеров хезитации («поиска»), в том числе, ну, сейчас, значит и местоименных показателей препаративной подстановки (этот, этот самый, это, как его и др.). Для этого класса дискурсивных слов способ отражения в транскрипции регулируется следующим образом.

В общем случае согласованные показатели препаративной подстановки (этот/эта, этот самый/эта самая, как его/как ее, такой/такая и др.) в отдельную строку не выделяются. Несогласованные маркеры препаративной подстановки (это, это самое), а также маркеры «поиска» ну, значит, сейчас и им подобные отделяются в отдельную строку только если выполняются одновременно три условия: они акцентированы, тон в акценте падающий и они расположены в абсолютном начале синтагмы. При невыполнении любого из этих трех условий маркер в отдельную строку не выделяется:

(54) Z05

10	Там всякие /э-эти \банд <u>и</u> ты.»
----	---------------------------------------

(55) N02

12	и там значит <проезжает приезжает> \такой ..(0.4) ну-у ..(0.1) /п <u>р</u> езд,
----	---

(56) N54

4	...(0.3) Я куда-то /ходила,
5	выходила на-а ...(0.3) ну <\вот> лестничную /клетку,

(57) N08

17	...(0.4) Папы /не <u>т</u> ,
18	а-а ==
19	...(0.5) \ну-у,
20	...(0.2) мне почему-то казалось
21	что я должна всё /реш <u>и</u> ть,

(58) N07

7	...(0.6) \Э <u>т</u> о-о,
8	/захожу я в \шко <u>л</u> у.

Если транскрайбер не может принять однозначного решения о наличии акцента на маркере хезитации или о направлении тона в акценте, то действует дефолтное правило – маркер в отдельную строку не выделяется.

3.3. Коррекции

3.3.1. Общие правила транскрибирования коррекций

1. При макрокоррекциях в точке прерывания, расположенной на границе строки, используется знак «сильного фальстарта» == (двойное равенство после пробела). Знак несущего акцента (подчеркивание ударного слога в составе слова-акцентоносителя) в строке, завершающейся знаком сильного фальстарта, не ставится:

(59) N53

26.	...(0.8) И вот эти /ска <u>т</u> ы,
27.	они меня ==
28.	...(0.4) То есть \я была \русал <u>к</u> ой.
29.(1.1) И эти /ска <u>т</u> ы,
30.	они меня /вози <u>л</u> и куда-то!

2. При срединных микрокоррекциях в точке прерывания, расположенной внутри строки, используется знак «слабого фальстарта» || (две вертикальных черты после пробела). Единственным исключением из этого правила является случай контактного повтора мелкого фрагмента, при котором знак слабого фальстарта в точке прерывания опускается – чтобы не перегружать транскрипт:

(60) N64

20	...(0.2) То есть сн= стали с-сниться сны \та <u>к</u> ,
----	--

(61) N10

22	...(0.1) на \троту <u>а</u> р вы= высовывается,
----	---

3. Как было показано выше в разделе 2.1.2., при начальных микрокоррекциях возможен как сильный, так и слабый фальстарт. Решение о способе нотирования принимается по просодическим основаниям. Если после прерывания имеются симптомы начала новой ЭДЕ – ресет (начало интонационного движения с базового уровня частоты), изменение темпа, громкости и др. – то в точке прерывания ставится знак сильного фальстарта и транскрипт продолжается с новой строки. В противном случае – строка не прерывается и в точке прерывания используется знак слабого фальстарта. При начальных микрокоррекциях (в отличие от срединных), если требуется знак слабого фальстарта, он не опускается никогда, в том числе, и при контактных повторах мелкого фрагмента:

(62) N57

7	/мама-а ==
8	..(0.4) /маме я сказала,
9	что-о /-нет,

(63) N56

7	не-е не /захлѐбываюсь_
---	---------------------------

4. Выбор между заглавной и строчной буквой после точки прерывания регулируется так: после знака == в начале следующей строки используется тот же регистр (заглавная или строчная буква), что и в начале забракованного фрагмента, после знака || всегда используется строчная буква. Ср.:

(64) N05

10	..(0.3) Девочки п= ==
11	Одна де= одна девочка /подошла,

3.3.2. Особые правила нотирования начальных микрокоррекций

Если транскрайбер не может принять однозначного решения по просодии (см. раздел 3.3.1. выше), то для начальных микрокоррекций предлагается следующий список дефолтных решений.

1. Дистантные начальные микрокоррекции оформляются как сильный фальстарт (обрыв строки со знаком ==):

(65) N33

19	Лмимо ==
20	но \мимо проезжает.

2. Начальные микроотмены оформляются как сильный фальстарт (обрыв строки со знаком ==):

(66) N59

14(1.0) Значит ..(0.1) \вхожу я там ..(0.2) во /двор к ним,
15	...(0.9) и значит ==
16(1.2) а бабушка \говори <u>т</u> :
17	«/Саш@
18	\Собака-то не /закр <u>ы</u> та!»

3. Начальные контактные микромодификации и оговорки с крупными забракованными фрагментами оформляются как сильный фальстарт (обрыв строки со знаком ==). Напомним, что согласно определению, данному в разделе 2.4., местоимения – как полнозначные слова – считаются крупными фрагментами:

(67) N44

4	...(1.2) И я /смотрю,
5	кто-то-о ==
6	какой-то \мужчина за нами бежит.

4. Начальные контактные микроповторы с крупными забракованными фрагментами оформляются как слабый фальстарт (в одну строку со знаком ||):

(68) Z16

11	И <u>когда</u> я ..(0.2) и <u>когда</u> я <u>вот</u> ...(0.5) возвращаюсь /домой,
----	--

5. Начальные контактные микроповторы, микромодификации и оговорки с мелкими забракованными фрагментами оформляются как слабый фальстарт (в одну строку со знаком ||):

(69) N45

15	/ну я начала /сопротивляться,
16	защити= /защищать её,

6. Если одному откорректированному корреляту предшествует более одного забракованного фрагмента, то каждая точка прерывания обрабатывается по общему правилу, т.е. прежде всего учитывается просодия – наличие симптомов начала новой ЭДЕ после сбоя, а в случае сомнений транскрайбер руководствуется дефолтными правилами. Если множественные начальные микрокоррекции оформляются как слабый фальстарт, то знак слабого фальстарта не опускается, в том числе, и при контактных повторах мелкого фрагмента:

(70) N25

24	во= вон /вон мой /подъезд там,
----	--------------------------------------

3.3.3. Коррекции в сочетании с лексическими маркерами хезитации

Как было сказано выше (см. разделы 2.2.1 и 2.2.2), к классу контактных мы относим и те коррекции, при которых между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом имеются только дискурсивные маркеры хезитации (поиска), например, местоименные маркеры препаративной подстановки. Поэтому коррекции с использованием такого рода маркеров обрабатываются в транскрипции по общим правилам для контактных коррекций. Например, общее правило опускать знак слабого фальстарта при срединных микроповторах мелких фрагментов (см. выше, раздел 3.3.1) действует и при наличии маркера препаративной подстановки. Так, в примере (71) имеется два случая контактного срединного микроповтора мелкого фрагмента – забракованный фрагмент пла' = повторяется после заполненной паузы, а фрагмент чет= повторяется после паузы и несогласованного маркера препаративной подстановки это, но в обоих случаях знак слабого фальстарта опущен:

(71) Z56

16	..(0.4) <НРЗБ 1>...(0.7) /Туда надо пла'= ..(0.2) платить чет= ...(0.5) \это ..(0.4) четыреста восемьдесят \долла↑ров.
----	--

Аналогичным образом, в следующем примере опущен знак слабого фальстарта при срединном микроповторе мелкого фрагмента (предлога с) с использованием лексического маркера поиска ну:

(72) N07

26	..(0.4) /они на меня смотрели ...(0.6) с-сс .. (0.4) /ну-у с-с – <u>тоско-ой</u> как бы-ы,
----	--

Вопрос о выделении лексического маркера хезитации в отдельную ЭДЕ и, следовательно, в отдельную строку транскрипта решается одинаково для случаев, когда эти маркеры употреблены совместно с коррекцией или вне ее. Как было сказано в разделе 3.2, эти маркеры выделяются в отдельную строку только если выполняются одновременно три условия – они акцентированы, тон в акценте падающий и они расположены в абсолютном начале синтагмы. При сочетании с коррекцией, если необходим знак сильного или слабого фальстарта, то положение знака определяется по просодии, т.е. он может располагаться как до, так и после лексического маркера хезитации. Так, в примере (73) маркер поиска **сейчас** употреблен дважды. Первое вхождение – вне коррекции – выделено в отдельную строку 20 как произнесенное с падающим тоном и расположенное в начале синтагмы. Второе вхождение, в строке 22, совмещено с коррекцией – срединной микромодификацией (фонетически мотивированной заменой одного варианта предлога – **об**, на другой – **обо**). Это вхождение в отдельную строку не выделяется, поскольку расположено внутри синтагмы. В этом же примере в строке 21 имеется также начальный микроповтор крупного фрагмента (местоимения) с использованием несогласованного маркера препаративной подстановки **это**. По просодии эту начальную микрокоррекцию транскрайбер проинтерпретировал как слабый фальстарт (напомним, что, если бы просодия не диктовала однозначного решения, то транскрайбер должен был бы действовать по дефолтному правилу, сформулированному в 3.3.2, т.е. выделить забракованный фрагмент в отдельную строку). Заметим, что в строке 21 точка прерывания (и, соответственно, знак слабого фальстарта) расположена после маркера хезитации, а в строке 22 – до него:

(73) Z48

19	(*...(1.0) Ну вот ..(0.2) когда \обратно уже /бежали,
20(1.3) ммм(0.8) \сейчас,
21(6.0) она-а \это ..(0.3) она /бежала,
22	/ударилась об ээ(0.3) \сейчас обо \что-то,

В примере (74) маркер поиска **значит** употреблен совместно с коррекцией (вероятно, говорящий колебался между синонимичными выражениями **наутро** и **когда утро началось**). Маркер выделен в отдельную строку как расположенный в начале синтагмы и произнесенный с падающим тоном. Точка прерывания (и, соответственно, знак сильного фальстарта) расположена перед маркером поиска:

(74) Z40

22	..(0.3) на-а ==
23(1.1) \значит,
24(1.9) когда /утро н= началось,

В следующем примере имеется два вхождения маркера поиска ну. Первое не совмещено с коррекцией, оно находится в абсолютном начале синтагмы, но не акцентировано, поэтому не отделяется. Второе совмещено с коррекцией (срединным микроповтором мелкого фрагмента – поэтому знак слабого фальстарта опущен), оно акцентировано, тон в акценте падающий, но расположено внутри синтагмы, поэтому также не отделяется:

(75) Z32

30(1.1) ну с недоделанными ..(0.3) у= ""(0.9) \ну-у ..(0.1) /уроками,
----	---

Если маркер препаративной подстановки присоединяется непосредственно к приставке, то после него ставится знак обрыва слова (=):

(76) N06

11	...(0.8) И он он приэто= не /привязан,
12	а \прибит ..(0.1) /гвоздями,

3.3.4. «Гибридные» коррекции

В ряде случаев преждевременно артикулированный фрагмент корректируется не в текущей, а в одной из последующих ЭДЕ, однако, в отличие от обычных дистантных коррекций, текущая ЭДЕ не отменяется, а «спасается» говорящим, т.е. достраивается таким образом, чтобы утилизировать материал, предшествовавший коррекции. Рассмотрим следующий пример:

(77) N45

9	..(0.4) И /папа вдруг ..(0.4) /схватил,
10	и /начал её ..(0.3) /кричать на неё прямо,
11	...(0.9) \неистовствуя,
12	...(0.6) и-и мм(0.2) ...(0.8) \бить,

Здесь, вероятно, говорящая первоначально планировала в строке 10 предикацию «начал ее бить», но поняла, что это преждевременно и нужно сначала сообщить о том, что папа начал кричать. Местоимение в винительном падеже её забракеновано как преждевременное, но рассматривать данную коррекцию как срединную микроотмену не вполне правомерно, так как в строке 12 появляется переходный глагол бить, для которого, по-видимому, и предназначалось это прямое дополнение. Более того, местоимение в винительном падеже так и не появляется больше в тексте за пределами забракенованного фрагмента, хотя и глагол бить, и имеющийся в строке 9 глагол схватил требуют прямого дополнения. В то же время, начало строки 10 – союз и фазовый глагол (и начал) – не отменяются говорящей, и фазовая конструкция достраивается с другим знаменательным глаголом и его дополнением (кричать на неё). Таким образом, конструкции данного типа совмещают свойства контактных и дистантных коррекций, поэтому мы именуем такие коррекции гибридными. Гибридные коррекции в транскрипте отмечаются знаком слабого фальстарта в точке

прерывания, т.е. их нотирование не отличается от нотирования микрокоррекции, что отражает намерение говорящего спасти строку, содержащую забракованный фрагмент. Приведем для иллюстрации еще один пример гибридной коррекции:

(78) N01

26	...(0.5) И /вдруг такиев ..(0.2) так вот я /спускаю ^ю по лестнице,
27	/с ^м отрю так,
28	..(0.2) много-много /гробов,

где в строке 26 забракованный фрагмент **вдруг такиев** не может быть безболезненно удален, так как наречие **вдруг** относится семантически к глаголу **смотрю** (в значении «вижу») в строке 27, а местоимение **такие** семантически относится к группе **много-много гробов** в строке 28.

3.3.5. Коррекции с замещением части предикации на целую предикацию

В некоторых случаях говорящий обрывает ЭДЕ (строку), но не отказывается от нее, а вместо предполагавшейся заключительной части ЭДЕ строит отдельную новую ЭДЕ или их группу. Такого рода обрывы оформляются в транскрипте как сильный фальстарт. Так, в следующем примере вместо предполагавшегося завершения строки 6 – «людей» или «рыбаков» – строится последовательность строк 7-8:

(79) Z49

6(1.1) на /другом /берегу мы увидели-и(1.2) \ещё-о_==
7(1.0) там /люди сидели,
8	и /ловили –р-ры ^л бу,

3.4 Фрагментированные ЭДЕ без коррекции

В некоторых случаях говорящий обрывает высказывание, не доведя его до конца (т.е. образует «фрагментированную» ЭДЕ по терминологии У.Чейфа и других авторов его школы, см. например, [26]), но не прибегает к самоисправлению. В этом случае возникает ЭДЕ, которая недозавершена с просодической точки зрения и с точки зрения морфо-синтаксических требований к полноте предикации, но которая расценивается говорящим как уместная и информационно достаточная, и потому не подлежит коррекции – в риторике такая фигура именуется «апозиопезис». В транскрипте фрагментированные ЭДЕ этого класса завершаются знаком ~ (тильда после пробела):

(80) N41

4(3.7) Иh(1.0) мы там увидели /кролика,
5	и \погнались за ним с \Димкой,
6	..(0.4) хотели \пойма ^т ь.
7(1.3) И в \клетку посадить.
8	У нас \дома.
9	...(0.6) Там в доме была /клеточка,
10(1.2) где мы их можем ~
11	...(0.8) И вотh ..(0.3) мы ..(0.3) \забежа ^л и в Ллес,

(81) N57

16	и /она начала \уговаривать,
17	что может быть на /-в <u>е</u> -ечер перенести_
18	или-и там /на -з <u>а</u> -автра_
19	илиw ~
20	..(0.2) короче чтобы на этой /неделе не пропустить \уро <u>к</u> .

Знак несущего акцента (подчеркивание ударного слога в составе слова-акцентоносителя) в строке, завершающейся знаком ~, не ставится. Заглавная/строчная буква после тильды выбирается исключительно по дискурсивным соображениям: если после фрагментированной ЭДЕ без коррекции начинается новая иллокуция, используется заглавная буква.

3.5. Разрыв ЭДЕ (сплит)

Морфо-синтаксически целостная предикация может разрываться говорящим для вынужденного отхода от линии изложения с последующим восстановлением целостности – это явление мы условно называем «сплитом». В транскрипте первая часть разорванной предикации завершается знаком — (длинное тире после пробела), а вторая часть начинается с этого знака:

(82) N42

39(1.0) А /потом вот эти /д <u>е</u> вочки —
40	которые \стояли около \д <u>в</u> ери,
41	— ...(0.6) ээ(0.1) /вош <u>л</u> и,

(83) N69

2(1.0) Вот ..(0.1) /недавно например приснилось
3	что мы по-моему-у все /вместе —
4	/я вот_
5	/-С <u>а</u> ша_
6	...(0.4) ээ(0.3) /-м <u>а</u> ма_
7	— ...(0.5) ээ(0.3) /были ..(0.2) около какой-то \в <u>о</u> ды-ы,

Сплит возникает в тех случаях, когда говорящий решает, что уточнение к содержанию данной предикации нельзя отложить до ее завершения. Сам по себе сплит чаще всего не приводит к коррекции, т.е. к отбраковке части артикулированного материала – так, в приведенных выше двух примерах сплита коррекции нет. Однако если расстояние между частями предикации, разорванной сплитом, достаточно велико, то в начале второй части возможны повторы (реже – модификации) некоторого материала из первой части. Так, в примере

(84) N53

67	...(0.7) и я \пролетела всю свою /ж <u>и</u> знь,
68	то есть я \просмотрела /ку <u>с</u> ками всю с= —
69	/з <u>н</u> аете,
70	как \кар <u>т</u> инками,

71	как \слайдами,
72	— ...(0.7) всю свою /жизнь вот,

разорвана первоначально планировавшаяся предикация то есть я \просмотрела /кусками всю свою /жизнь вот. После разрыва возобновляется артикуляция именной группы всю свою /жизнь, прерванной в точке разрыва. При этом забракованный фрагмент всю с= отделен от своего возобновления тремя вставленными ЭДЕ.

4. Режимы самоисправлений: коррекция vs. редактирование

4.1. Использование лексических маркеров при редактировании

Как указывалось выше в разделе 1, мы различаем два основных режима самоисправлений – (он-лайн) коррекцию, или собственно коррекцию, и ретроспективную коррекцию, или редактирование. В режиме (он-лайн) коррекции говорящий реагирует на обнаруженную проблему немедленно, обычно – до завершения текущего фрагмента, в режиме редактирования исправляется фрагмент грамматически цельнооформленный и полноценно встроенный в дискурсивную структуру. При редактировании часто используются специальные сегментные средства, сигнализирующие о наличии проблемы – конструкции типа не X, а Y, дискурсивные маркеры нет, вернее, точнее и др.:

(85) N54

122	какой-то-о молодой /человек —
123	эээ(0.5) \Виталик,
124	...(0.5) — /чинит \машину.
125	...(0.8) А –он \нет,
126	он не /машину \чинил,
127	–он за \лошадью \ухаживал.

Однако само по себе использование дискурсивного маркера не является достаточным критерием, позволяющим отличить редактирование от коррекции. Существует большая группа дискурсивных маркеров, которые могут использоваться как сигналы обнаружения проблемы в обоих режимах – как в режиме коррекции, так и в режиме редактирования. Так, дискурсивный маркер то есть в примере (86) используется в режиме редактирования, а в примере (87) – в режиме коррекции (в точке прерывания после забракованного – преждевременно артикулированного – фрагмента):

(86) N48

40	/Потом он один раз вышел на /балкон,
41	...(0.4) и его \пристрели-или.
42	...(0.3) То есть не /пристрелили,
43	а \за= \рѐзали.
44	\Саблей.

(87) N53

3(1.4) и там были ..(0.1) –ска-а <u>ты</u> вот_
4	...(0.8) И вот эти /ска <u>ты</u> ,
5	они меня ==
6	..(0.4) То есть \я была \рус <u>ал</u> кой.
7(1.1) И эти /ска <u>ты</u> ,
8	они меня /вози <u>ли</u> куда-то!

Аналогичным образом, дискурсивный маркер ну может использоваться и в режиме коррекции, как в (75), повторенном ниже как (88), и в режиме редактирования, как в (89),(90):

(88) Z32

30(1.1) ну с недоделанными ..(0.3) у= ""(0.9) \ну-у ...(0.1) /уро <u>ка</u> ми,
----	---

(89) N54

59(1.0) /Они /сп <u>а</u> ли в общем,
60	\н <u>у</u> ,
61	начинали /засып <u>а</u> ть уже,

(90) Z29

7	И я <поба=> ..(0.1) /подо-ош <u>ё</u> л к нему,
8	..(0.3) н <u>у</u> к этому /дер <u>е</u> ву,
9	у которого /сверка <u>л</u> о чего-то,

Самоисправления в режиме редактирования не отмечаются в транскрипте каким-либо специальным знаком, поскольку они не нарушают ни грамматическую, ни синтаксическую целостность текста. Как и в иных случаях, описанных выше, дискурсивные маркеры, сигнализирующие о проблеме, при редактировании выделяются в отдельную ЭДЕ (пишутся в отдельной строке) только если выполняются одновременно три условия – они акцентированы, тон в акценте падающий и они расположены в абсолютном начале синтагмы.

4.2. Отклонения от основной линии изложения

4.2.1. Иллокутивная парентеза

Говорящий может прервать построение текущего иллокутивного акта и вставить между двумя ЭДЕ, относящимися к этому иллокутивному акту, другой иллокутивный акт. Это явление мы условно называем «иллокутивной парентезой». При иллокутивной парентезе встроенный иллокутивный акт в транскрипте заключается в скобки, начинается с заглавной буквы и завершается знаком, маркирующим тип иллокуции (например, точка или вопросительный знак – об этих и других обозначениях типа иллокуции в транскрипции см. подробнее [22]). Если встроенной иллокуции предшествует пауза, то она записывается перед скобкой:

(91) N59

31.	{ЩЕЛЧОК НА ПЛЕНКЕ} >><НРЗБ З> ..(0.2) /соба <u>к</u> а,
32.	...(0.6) ээ(0.3) ..(0.3) \есть вот у моей \ба <u>б</u> ушки,
33.	...(0.6) –во <u>т</u> ,
34.	..(0.2) и я-а' ...(0.6) когда /ма <u>л</u> еньким был,
35.	..(0.1) 'я с ней плохо /обра <u>щ</u> ался,
36.	(Я не \зн <u>а</u> л
37.	что потом будет.)
38.	..(0.2) и /собака меня очень ' \гон <u>я</u> ла ..(0.4) после этого.

(92) N57

62	ну /я пошла в \одну сторону,
63	..(0.4) (Так больницы я в принципе не /увидела,
64	..(0.2) решила \искать.)
65	...(0.7) пошла в /одну сторону,
66	долго \шла-а,
67	..(0.4) –во-от,
68	/оказалось,
69	там это-о какое-то государственное /–учреждение,

Встроенная иллокуция часто характеризуется типичными для вводных, или парентетических, конструкций просодическими признаками, в частности, увеличением темпа и снижением тонового регистра. Однако эти просодические изменения необязательны (так, в приведенных выше примерах они не представлены), поэтому они отмечаются в транскрипте независимо: ускоренные фрагменты записываются курсивом, а понижение регистра – смещением вниз относительно строки на 6 пунктов (см. подробнее [22]) В принципе, эти же просодические признаки часто отмечаются и у другого типа вставок – фрагментов внутри сплита (см. раздел 3.5). Разница между этими двумя типами вставок – структурная: при сплите разрывается ЭДЕ, т.е. одна предикация, при иллокутивной парентезе вставка помещается между двумя ЭДЕ.

Вставка между двумя ЭДЕ, необходимая при временном отходе от основной линии изложения, не всегда артикулируется говорящим как отдельный иллокутивный акт. В этом случае вставка в скобки не заключается, начинается со строчной буквы и завершается не «иллокутивным знаком», а знаком, указывающим на незавершенность иллокуции – как правило, запятой. Так, в следующих двух примерах вставка завершается восходящим тоном, свидетельствующим, что конец вставки не является концом иллокуции, поэтому вставка в скобки не заключена (в обоих случаях вставка произносится ускоренно):

(93) N48

23	..(0.2) /там он взял /ору <u>ж</u> ие,
24	<i>кстати им нельзя было /ору<u>ж</u>ие иметь,</i>
25	<i>/но-о ..(0.4) ему \пришлось нарушить /за<u>к</u>он,</i>
26(1.0) и-и-и....(1.4) /пришёл в /за <u>м</u> ок,
27	чтобы \мст <u>и</u> ть.

(94) N32

39.	'ээ(0.3) 'И когда я \хочу ... (0.7) мм(0.3) '''(0.5) уже \нажать на кнопку /лифта,
40.	подойти к /лифту,
41.	и нажать на кнопку /лифта,
42.	...(0.9) то ... (0.8) мм(0.4) '''(0.9) \дверь в подъезд /открыта,
43.(1.6) 'и-и ... (0.8) /входит какой-то-о ..(0.3) \человек,

4.2.2. Повтор при возвращении к основной линии

Одна из распространенных техник самоисправления в режиме редактирования состоит в том, чтобы повторить сказанное с целью возвращения к основной линии – после введения дополнительной недостающей информации во вставку (ср. обсуждение понятия «возобновление потерянной нарративной линии» в [33]). Обычно при этом нет никаких симптомов сбоя. Ср. повтор открываю после вставки в комнате полумрак:

(95) Z51

30(1.0) Ну я-а /подбегаю к ним-м,
31	..(0.3) к-к э-этой /шторе,
32	чтоб её /открыть,
33(1.2) /открываю,
34	...(0.5) в комнате /полумрак,
35	Лоткрываю,
36	и передо мной так /висят☺ ... (0.7) ☺семь☺ ☺\–трупов☺.

Аналогичным образом, после иллокутивной парентезы повторен глагол **смотрю**:

(96) N54

115	..(0.4) и /потом вдруг \я-а ..(0.3) / <u>смотрю</u> ,
116	(Там /ранчо у нас /издалека,
117	я – <u>смотрела</u> —
118	сидела на /крыше,
119	— ... (0.5) в этот ... (0.5) <в> \бино <u>кль</u> .)
120	... (0.7) – <u>вот</u> ,
121	и / <u>смотрю</u> ,
122	какой-то-о молодой /человек —
123	эээ(0.5) \Вита <u>лик</u> ,
124	... (0.5) — /чинит \ма <u>шину</u> .

Случаи редактирования с повтором после вставки очень близки макрокоррекциям со вставкой, при которых вставка также может представлять собой отдельную иллокуцию или даже последовательность иллокуций. Единственным критерием разграничения служит грамматическая, просодическая или дискурсивная незавершенность строки перед вставкой. В следующем примере имеем макрокоррекцию, а не редактирование. т.к. и /там == – фрагментированная строка. Просодически конфигурация такая, как если бы готовилась вставка (сплит или иллокутивная парентеза – не всегда можно

реконструировать), но после вставки говорящий возобновил фрагмент сначала. По общим правилам для скобок вставка заключается в скобки, если она артикулируется как самостоятельная иллокуция:

(97) N32

1	/Я вхожу в мой /подъезд,
2	...(0.9) и /там ==
3	..(0.1) (А у нас железная \дверь.)
4	...(0.9) и /там я смот= ==
5	..(0.4) и /там я-а ..(0.4) \начинаю ..(0.3) /крутить(1.0) ээ(0.2) такой вот /замок,

Показательно, что при таких макрокоррекциях со вставкой смысл забракованной строки часто полностью не зачеркивается, и последующие порции дискурса, в том числе, и сама вставка, к этой фрагментированной строке семантически привязаны, как в следующем примере, где вставка – строки 11-13 – представляет собой уточнение к неопределенному местоимению **кто-то** в строке 10, причем эпизод про выбрасывание детей – строка 14 – начинается с повтора союза, но глагол во множественном числе уже не согласуется ни с неопределенным местоимением, ни с именной группой **семья пьяниц**. Скорее всего, говорящая не справилась с выбором между «кто-то (я даже предполагала кто) выбрасывает детей» и «у нас живет семья пьяниц, и вот они выбрасывают детей»:

(98) N43

10	..(0.1) и /кто-то ==
11	..(0.3) (Я даже предполагала /кто,
12	у нас на пятом этаже ..(0.3) живёт ..(0.3) там \семья \пьяниц,
13	...(0.5) \вот.)
44.	и-и' ..(0.1) с пятого /этажа выбрасывают \детей.

Макрокоррекции со вставкой отдельной иллокуции часто возникают тогда, когда обрыв артикуляции вызван не проблемами порождения дискурса, а нарушением внешних условий коммуникации, ср. пример (34), повторенный ниже как (99), где говорящий прерывает рассказ, чтобы найти нужный карандаш. Встроенная иллокуция – вопрос:

(99) Z27

16(1.4) эта сторона \вся <u>вот</u> \такая <u>вот</u> /серая,
17(2.9) /эта сторон-на ==
18	...(0.8) ('А \где <другой карандаш?>)
19(3.8) /эта сторона вся-а ..(0.2) –такая,
20	...(0.5) /коричневая \жёлтая,

Вставка может быть дискурсивно привязана не к оборванной строке, а к материалу, предшествовавшему ей. Так, в следующем примере строки 56-60 представляют собой уточнение к эпизоду про извинение – строкам 47-50. Вставка строк 56-60 произошла после преждевременного начала эпизода про булавки – отсюда обрыв после **ну и ПОТОМ** в строке 55 и возобновление эпизода с повтором **и ПОТОМ** в строке 61. Сам эпизод про булавки представляет собой одну предикацию, которая дважды разрывается

сплитом – вставка строки 62 \сразу после /этого помогает преодолеть отход от последовательного изложения событий, произошедший в строках 56-60, а вставка строки 64 добавляет эпистемическую оценку (см. подробнее статью Н.А.Коротаева в текущем номере журнала):

(100) N69

47	...(0.4) /Зашла,
48	и \извинилась перед этой старушкой,
49	/ну ..(0.1) попросила /прощения,
50	то что я так ..(0.3) \захлопнула.
51	А /Катя с ней \разговаривала.
51	...(0.7) \Во-от,
53	не \знаю,
54	о чём она /разговаривала,
55	...(0.5) ээ(0.3) ..(0.1) ну и /потом ==
56	..(0.3) (/Ну она так /сказала,
57	\старушка,
58	ну мол «/Ну \ладно \ладно.»
59	...(0.6) –Во-от,
60	/ну в общем-то как \извинила.)
61	...(0.4) и /потом ..(0.1) во-от —
62	..(0.3) \сразу после /этого,
63	— как-то так /неожиданно —
64	...(0.4) ээ(0.2) я \точно помню-у,
65	— ...(0.9) по-моему у меня на /руках были-и ..(0.2) \булавки такие вот,

4.2.3. «Односторонняя» скобка

В некоторых случаях говорящий планирует временный отход от основной линии и сигнализирует об этом сегментными и просодическими средствами, но в ходе развертывания вставки «забывает» ее завершить – это явление мы условно называем «односторонней» скобкой. Обычно в таких случаях строка, предшествующая вставке артикулируется с подъемом тона, сигнализируя о незавершенности, а иногда содержит и сегментные симптомы незавершенности, например, зависимое придаточное, предполагающее после вставки появление главной клаузы. Начало вставки характеризуется типичными просодическими признаками парентезы (ускорение, снижение регистра и т.д.), однако далее правая граница вставки стирается, последующие порции дискурса связываются непосредственно со вставкой, и предшествовавший вставке просодически и структурно незавершенный фрагмент «повисает», оказываясь не встроенным в дискурсивную структуру. Начало такой вставки оформляется в транскрипте знаком (*). Рассмотрим следующий пример:

(101) Z54

3	...(0.6) /Я первая села в \автобус.
4	...(0.4) А /тогда уже д= закрывались \двери,
5	и /Аня не –успела \сесть.

6	...(0.7) Иw мм(0.4) \когда-а(1.5) когда я приехала на нашу /остановку,
7	(*А /она ==
8	..(0.2) А /Аня ..(0.4) быстро \бегала.
9	..(0.2) \Вот,
10	и /она..(0.4) \тут же уже /была-а..(0.3) \там,

Здесь говорящая явно задумывала иллокутивную парентезу: основную линию изложения событий «когда я приехала на нашу остановку, Аня уже была там» требовалось разорвать вставкой, содержащей фоновую информацию «Аня быстро бегала». Строка 7 начинается с типичного для начала вставки союза **а**, но в ходе порождения вставки говорящая забывает о том, что строка 6 имеет форму придаточного времени с союзом **когда**, и начинает строку 10 с сочинительного союза **и**, привязывая эту строку непосредственно к вставке, а не к предшествовавшему вставке придаточному. Трудности с выходом из вставки дополняются здесь еще и явными проблемами с выбором референциального выражения – между именем собственным и анафорическим местоимением.

Если, как в примере выше, ЭДЕ перед намеренным, но не завершенным, отходом от основной линии цельная, то мы считаем это редактированием. Если ЭДЕ перед намеренным, но не завершенным, отходом от основной линии оборвана, мы считаем это макрокоррекцией. В этом случае семантически адекватно сохранение и знака сильного фальстарта ==, и знака (* – чтобы показать, что говорящий, в принципе, хотел потом вернуться к брошенной линии:

(102) N37

4(1.1) А за /нами ..(0.1) # как –обычно ==
5	(*Ну это-о как бы /сон \повторяется,
6	и там <\разное \разные> \всё.
7	...(0.9) \Вот,
8	..(0.1) а за /нами гонится какая-ни будь нечистая \сила,
9	в /этот раз —
10	как я \по [↑] мню-у,
11	— /гнались за /нами ..(0.2) \ч- <u>черти</u> .

(103) N45

18	ээ(0.2) ..(0.2) ну и тут <у> меня <вот> такое(1.0) как бы \видение что <ли ль> _
19	..(0.4) там ==
20	(*Ну мне это \часто /ви <u>д</u> елось,
21	и даже \сейчас я могу закрыть \гла <u>з</u> а,
22	и это /ви <u>д</u> еть,
23	..(0.3) вот как будто ..(0.4) \тёмная такая /стена,

4.3. Просодическая незавершенность при сегментной завершенности

Еще один пример сближения двух режимов самоисправления – коррекции и редактирования – это особый случай дискурсивной незавершенности ЭДЕ, состоящий в

том, что уже исполненная просодическая фигура, например, подъем тона, не встроена в дискурс притом, что с сегментной точки зрения строка полностью завершена. Мы считаем, что в этом случае имеется дискурсивный – хотя и не сегментный – обрыв, который в транскрипте отражается с помощью знака сильного фальстарта ==. Говорящий может попытаться компенсировать дискурсивный обрыв, для чего могут использоваться лексические маркеры отмены/замены, как нет в (104), или исправление осуществляется чисто просодическими средствами, например, повтором с изменением просодии, как в (105) и (106), или повтором без радикального изменения просодии (свидетельствующем о хезитации), как в (107):

(104) Z21

5	...(0.9) /я там была с \сестрой.
6	/Играла ==
7(1.0) \Нет,
8	я собирала гри <u>б</u> ы.

(105) Z26

29(2.0) /они' ..(0.2) \огор <u>а</u> живали,
30(1.8) там где \поса <u>ж</u> ено,
31	ставили /колы <u>ш</u> ки ==
32(5.4) ставили \колы <u>ш</u> ки <u>н</u> ,

(106) N50

10(2.0) И /ушли ==
11	И мы \ушли.
12(1.0) \Вс <u>е</u> .

(107) N69

70	...(0.6) эээ(0.4) ..(0.1) Ну вот ..(0.2) /то ли /–уколо-оли-и ==
71	'''(0.5) /то ли /уколо <u>л</u> и вот эти иголки кого-то _
72	..(0.2) Но /по-моему \уколо <u>л</u> и.

Говорящий может вовсе отказаться от строки с дискурсивным обрывом, и тогда эта строка «повисает» (т.н. «фальстеп», см. выше раздел 2.3.2.). Для этих случаев также предлагается использовать знак == :

(108) Z17

45.(1.7) Когда <u>н</u> ..(0.3) праздник был /око-ончен ==
46.(1.4) /Потом я с= ... (0.4) \просну <u>л</u> ась.

5. Заключение

Мы систематизировали основные типы речевых сбоев, наблюдаемых в спонтанных устных монологических текстах. Среди речевых сбоев, вызванных проблемами планирования и развертывания дискурса мы выделили два основных класса – хезитации и самоисправления. Самоисправления, в свою очередь, возможны в двух режимах: в режиме коррекции – отбраковка текущего, как правило, незавершенного, фрагмента дискурса, и в режиме редактирования – ретроспективные сигналы

слушающему с указанием на необходимость отмены или преобразования уже завершённого фрагмента дискурса. Мы описали инвентарь сегментных и просодических языковых средств, которые может задействовать говорящий для того, чтобы сообщить слушающему об имеющихся проблемах в развертывании дискурса, и инвентарь языковых приемов, позволяющих преодолеть речевой сбой. Мы предложили систему нотации, позволяющую последовательно, максимально иконично и компактно отражать в транскрипте основные типы речевых сбоев. Мы надеемся, что предложенные подходы, опирающиеся на наш опыт создания электронного корпуса устных текстов, позволят продвинуть вперед корпусное исследование спонтанного устного дискурса.

В заключение приведем некоторые количественные данные о представленности речевых сбоев в нашем корпусе.

Частотность коррекций в корпусе и частотность заполненных пауз в корпусе приблизительно одинакова – около 2.2 случая на 100 словоупотреблений. Таким образом, эти два наиболее частотных типа речевых сбоев суммарно представлены частотой 4.4 случая на 100 словоупотреблений. Этот результат хорошо согласуется с имеющимися в литературе данными о частотности речевых сбоев в английском языке. Так по корпусным данным [18] в диалоговых текстах (где, заметим, сбои более вероятны, чем в монологах) засвидетельствованная суммарная частота коррекций и заполненных пауз составляет от 5.9 до 6.3 на 100 словоупотреблений, причем вклад заполненных пауз в эту частоту составляет от 30% до 60%.

Частотность отдельных типов коррекций распределяется следующим образом. Соотношение микрокоррекций и макрокоррекций – 1.6 и 0.6 на 100 словоупотреблений, соответственно. Среди микрокоррекций срединные встречаются почти в два раза чаще, чем начальные – 1.0 против 0.6 на 100 словоупотреблений, соответственно. Контактные коррекции встречаются более чем в два раза чаще, чем дистантные – 1.6 против 0.6 на 100 словоупотреблений, соответственно. Количественная разница между коррекциями мелких фрагментов и коррекциями крупных фрагментов несколько менее выражена, но тоже значительна – 1.3 против 0.9 на 100 словоупотреблений. Распределение коррекций по признаку «тип операции» демонстрирует существенное преобладание повторов (1.2 на 100 словоупотреблений) над модификациями и заменами (0.7 и 0.3 на 100 словоупотреблений, соответственно). Значительное преобладание повторов над другими типами операций при речевом сбое отмечалось в литературе для английского языка, см., например, [18]. Это позволяет предположить, что преобладание повторов – не лингвоспецифическая, а универсальная характеристика коррекций. С данными по английскому языку согласуется и частотность оговорок в нашем корпусе – этот тип сбоев оказался крайне редким: в нашем корпусе на 17500 словоупотреблений имеется всего 5 случаев, т.е. 0.28 на 1000 словоупотреблений, ср. 1-2 на 1000 словоупотреблений для английского языка по данным [34].

Приведем еще некоторые данные о более редких явлениях, связанных с речевыми сбоями. Разрыв предикации (сплит) встречается с частотой 2 случая на 1000 словоупотреблений. Иллокутивная парентеза – с частотой 1.5 на 1000 словоупотреблений. Маркеры препаративной подстановки используются с приблизительной частотой 4 на 1000 словоупотреблений, причем согласованные маркеры подстановки составляют меньше одной трети от их общего числа.

Разумеется, в силу небольшого объема корпуса приведенные данные дают лишь самое общее представление о количественном распределении речевых сбоев. Однако системный характер речевых сбоев, а также согласованность некоторых полученных нами количественных результатов с корпусными данными для английского языка позволяет говорить о том, что сведения о речевых сбоях могут иметь существенное значение для понимания универсальных языковых процессов, и следовательно,

регистрация речевых сбоев должна стать обязательным требованием к качественным корпусам устных текстов.

Литература

1. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс. Москва: УРСС, 1968/2004.
2. Николеева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) [обзор] // Вопросы языкознания, 1970, 3. С. 117-123.
3. Секерина И.А. Психолингвистика // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 231-260.
4. Proceedings of DiSS'03, Disfluency in Spontaneous Speech Workshop. 5–8 September 2003, Göteborg University, Sweden. Robert Eklund (ed.), Gothenburg Papers in Theoretical Linguistics 89
5. Proceedings of DiSS'05, Disfluency in Spontaneous Speech Workshop. 10–12 September 2005, Aix-en-Provence, France,
6. Schegloff E.A.; Jefferson G.; Sacks H. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation // *Language*, 1977, 2. Pp. 361-382.
7. Fox B.A.; , Jaspersen R. A syntactic exploration of repair in English conversation // *Descriptive and Theoretical Modes. The Alternative Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, , 1995. Pp. 77–134.
8. Levelt W. J. M. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.
9. Levelt W. J. M. Monitoring and self-repair in speech // *Cognition*, 14, 1983. Pp. 41-104.
10. Levelt W. J. M.; Cutler A. Prosodic marking in speech repair // *Journal of Semantics*, 1993, 2. Pp. 205-217.
11. Postma Albert. Detection of errors during speech production: a review of speech monitoring models // *Cognition*, 2000, 77. Pp. 97-131.
12. Dell Gary S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // *Psychological Review*, 1986, 93. Pp. 283-321.
13. Brennan S.E.; Schrober M.F. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech // *Journal of Memory and Language*, 2001, 44. Pp. 274-296.
14. Fox Tree J.E. The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech // *Journal of Memory and Language*, 1995, 34. Pp. 709–738.
15. Arnold Jennifer E.; Fagnano Maria; Tanenhaus Michael K. Disfluencies signal thee, um, new information // *Journal of Psycholinguistic Research*, 2003, 32-1. Pp. 25-36.
16. Ferreira Fernanda; Bailey Karl G.D. Disfluencies and human language comprehension // *Trends in Cognitive Sciences*, 2004, 8-5. Pp. 231-237.
17. Yang Fan; Heeman Peter A.; Strayer Susan E. Acoustically verifying speech repair annotations // Proceedings of DiSS'03, Disfluency in Spontaneous Speech Workshop. 5–8 September 2003, Göteborg University, Sweden. Gothenburg Papers in Theoretical Linguistics 89, 2003. Pp. 95–98.
18. Shriberg E.E. Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies.. PhD dissertation. University of California at Berkeley, 1994.
19. Oviatt S. Predicting spoken disfluencies during human-computer interaction // *Computer Speech and Language*, 1995, 9. Pp. 19-35.
20. Clark H. H.; Fox Tree J. E. Using uh and um in spontaneous speaking // *Cognition*, 2002, 84. Pp. 73-111.

21. Гришина Е.А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка. // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. Москва: Индрик, 2005, С.94-110.
22. Кибрик А.А.; Подлеская В.И. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация (серия 2), 2003, 6. С. 5-11.
23. Кибрик А.А. Подлеская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В.Д.Соловьев (ред.) *Когнитивные исследования*. Вып. 1. Москва: Институт психологии РАН, 2006, С.138-158.
24. Гармаш Н.Г. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1999.
25. Подлеская В.И, Кибрик А.А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006 (В печати).
26. Du Bois J.W.; Schuetze-Coburn S.; Cumming S.; Paolino D. Discourse transcription. Santa Barbara papers in linguistics, 4. Santa Barbara: UCSB, 1992.
27. Светозарова Н.Д. и др. Просодическая организация русской спонтанной речи // Светозарова Н.Д. (ред.) Фонетика спонтанной речи. Л.: ЛГУ, 1988. С.141-182.
28. Дарган Ю.В.. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и её приложениям. М., 2000. С. 67-73/
29. Дарган Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Доклады международной конференции «Диалог-2003». М., 2003. С. 166-178.
30. Коженикова Кв. Спонтанная устная речь в русской эпической прозе. Praha, 1970.
31. Fox В.А.; Hayashi M.; Jaspersen R. Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair // Interaction and Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 185–237.
32. Wouk Fay. The syntax of repair in Indonesian // Discourse Studies, 2005, 7-2. Pp. 237-258.
33. Коротяев Н.А. Ситуационная анафора в устном русском нарративе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2-7 июня 2004 г.). М. 2004. С. 340-345.
34. Dell Gary S. Speaking and misspeaking // Gleitman, L.C., Liberman, M. An invitation to cognitive science: Language. Vol.1, Cambridge (Mass): The MIT Press, 1995. Pp. 183-208.